

18+ ВЛАДИМИР КОЧЕРЖЕНКО

НЕЧАЯННАЯ СТРАСТЬ

Владимир Кочереженко

Нечаянная страсть

«Издательские решения»

Кочереженко В.

Нечаянная страсть / В. Кочереженко — «Издательские решения»,

Сборник «Нечаянная страсть» — это не просто рассказы о рыбалке. Это истории о людях — смешных и упрямых, потерянных и сильных, природе и той самой «тихой охоте», которая порой лечит лучше любых лекарств. В каждом рассказе — живые, узнаваемые характеры: деревенские философы, бывшие военные, старики и мальчишки. Автор пишет с доброй иронией, искренностью и любовью к людям. Эта книга для тех, кто любит природу, ценит честные истории и ищет в литературе не глянец, а живую человеческую душу.

Содержание

ОБ АВТОРЕ	6
НАПАРНИКИ	7
ГИБЛОЕ МЕСТО	11
ВЫВЕРТЫ	15
У ЛЫСОЙ ГОРЫ	19
НАШ ЧЕЛОВЕК	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Нечаянная страсть

Владимир Кочереженко

© Владимир Кочереженко, 2026

ISBN 978-5-0070-3049-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сборник «Нечаянная страсть — это не просто сборник рассказов о рыбалке. Это калейдоскоп жизненных историй, гимн мужской дружбе, русской душе, родной природе и той самой «тихой охоте», которая лечит круче любых антидепрессантов и становится спасательным кругом для потерянных душ.

Читателя ждут невероятные курьезные случаи из жизни рыбаков на утренней зорьке, драматичные схватки с речными гигантами, жестокая правда о браконьерстве, трогательная забота о «братьях наших меньших», реалистичные диалоги, от которых хочется то смеяться, то плакать.

В каждом рассказе — живые, узнаваемые персонажи: от городских интеллигентов и пенсионеров до деревенских философов и чудаков. Автор с доброй иронией, искренним сочувствием и светлой ностальгией по лучшим сторонам русской жизни описывает будни и праздники своих героев, их маленькие подвиги, ошибки и прозрения.

Эта книга для тех, кто ценит живую прозу без цензуры и прикрас, любит природу и верит в доброту, кто ищет в литературе настоящие эмоции и мудрость, глубокие размышления о жизни, судьбе и месте человека в мире.

ОБ АВТОРЕ

Владимир Кочереженко — это настоящая литература, не конъюнктурная, не выморочная. Добрая. Берущая за душу. Такая литература, которая нужна нам и будет нужна нашим детям и внукам.

Людмила Литвинова,
член Союза журналистов России.

Талантливую и очень искреннюю автора Владимира Кочереженко я знаю давно. И с самого первого произведения, которое мне довелось прочитать, я поняла, что передо мной автор очень сильный, самобытный. Так вот, проза В. Кочереженко правдива, и даже может показаться жестокой, но истинный посыл её — милосердие. Он любит своих героев, он старается найти под свинцовыми мерзостями жизни крупицу милосердия и добра. А это качество истинного художника.

Ляман Багирова,
член СП Азербайджана, СП Беларуси, РСРП

Владимир Кочереженко не подстраивается под читателя, потому что не продаёт эмоции, не рассчитывает на эффект, не пишет, чтобы понравиться. Просто открывает дверь в обычную жизнь, не затаскивая вовнутрь. Как бы говорит читателям: «Смотрите! Вот она, наша реальность!»

Елена Саульченко

Мастер, золотой мастер, с добрым сердцем, внимательным, пронзительным цепким взглядом, художественным великолепным даром!

Kira Rainboff

Литература высокой пробы. Читать буду и другим посоветую.

Александр Гризодубов

НАПАРНИКИ

Сперва удача будто с цепи сорвалась и поперла напролом, без спотычек и прыжков в стороны. Поклевки следовали одна за другой: за какой-то час с небольшим молочно-туманной утренней зорьки в садке уже тесно ворочались десятка три солидных, в полторы-две ладошки, золотистых карасей. Короче, рыба пёрла на крючок, будто мужики с бодуна в пивной ларек, нороя поскорей добраться до вожделенной, сдобренной конопляным маслом насадки.

И вот в неуловимый миг все как отрезало! Поплавок приклеился к зеркалу воды намертво, словно и не скакал только что от потяжек плотно севших на крючок карасей. Текли в «неги» минуты бесценного рассветного времени, адреналин бурлил во всех предназначенных для него уголках и закоулках организма, а клева не было. Хоть бы какая мизерная селявка-верхоплавка, либо ротанишко завалыщенький дернули поплавок, душу мятущуюся, так сказать, согрели. Тщетно!

Антон Андреевич, по местным понятиям олигарх, по жизни — сорокалетний серьезный мужчина интеллигентной наружности, доктор технических наук, владелец и генеральный директор коммерческой проектной фирмы, принялся суетиться, перебрасывать снасть с места на место, словно пацан с ежиком в заднице, или неимущий алкоголик, от улова коего зависело ближайшее будущее: продаст рыбку на похмелку или прокатится на шарабане.

В конце концов Антона Андреевича постиг закономерный для рыболова-любителя облом: запузрырил он свою навороченную снасть со всей дури в осоку! Да так крепко запузрырил, что обрыв поводка с поплавком из гипотезы превратился в досадную реальность. После очередного резкого рывка леска свистнула подобно гитарной струне, удилище, согнутое чуть ли не в колесо, выстрелило на распрямление и Антон Андреевич вполне благополучно и от того еще более обидно приземлился мимо складного стульчика в глинистую жирную грязь.

— Вам бы, дядечка, не так надо. Поторопились...

От неожиданности Антон Андреевич подскочил, будто шершнем ужаленный, поскользнулся на глине и раскорячился в совсем уж неприличной и унижительной для него позе, то бишь, как говорят в народе, встал «на четыре кости». Поднял мутные от злости глаза, увидел перед собой стоптанные кроссовки, чуть прикрытые обтерханнми джинсами. Дальнейший обзор затруднялся в силу несуразности положения Антона Андреевича. Судя по тембру, голос принадлежал мальчишке лет десяти-двенадцати. Ну что за непруха! Яйца курицу учить собираются...

— Не так, говоришь, надо. А как?

— А надо было, дядечка, снять леску с катушки, потом привязать ее на палочку, затем не спеша и без рывков наматывать, как на ворот или лебедку. Вы же дергали удочку, а она пружинит, загоняя крючок все глубже и глубже в лист или стебель тростника. Потому и обрыв у вас случился.

— Откуда ты такой умный взялся? — сумел наконец-то встать на ноги Антон Андреевич. И узрел перед собой довольно-таки нелепое создание. Щупленький мальчонка с непомерно длинными, до колен, руками и крупной, стриженной «под ноль» головой. Прямо ска-

зять, не красавец. Скорее, наоборот. Высокий лоб, огромные, глубоко посаженные карие глаза, поджатые в ниточку тонкие губы и крохотный, почти неприметный подбородок. Треугольное, в общем, лицо, производящее отталкивающе-притягательное впечатление. В глазах отрешенность, навевающая тоску и какую-то неосознанную тревогу.

— Нет, дядечка. Я вовсе не умный. Я психохроник. А взялся я из детского дурдома вон за той горюшкой, — кивнул головой через правое плечо мальчишка.

Антон Андреевич непонимающе уставился на паренька, затем перевел взгляд на собственные безобразно грязные штаны, изгвазданные по локоть рукава ветровки, на пижонистую панамку под ногами, приобретенную в Соединенных Штатах и безнадежно испорченную въедливой глиной. И записиховал.

— Вот и вали в свой дурдом, покуда по шее не огреб! Галопом, давай, вали! Инструктор нашелся, мастер-класс, блин...

Мальчишку словно хлыстом огрели вдоль позвоночника. Он втянул свою непомерно огромную голову с сократовским лбом в узенькие плечи, безысходно вздохнул с протяжным всхлипом, повернулся спиной к обидчику и, косолапя, загребая кроссовками траву, пошел к холму, за которым прятался его казенный дом.

А у Антона Андреевича снова пошла масть. Он заменил оснастку и принялся тягать с малого заброса внушительную, граммов по триста-четырееста, серебристую плотву. Обрывки мыслей, возникающих время от времени в голове, были благостными, совершенно легкими, невесомыми. Как возникали, так и улетучивались бесследно, оставляя в душе лишь звенящий щекоток наслаждения природой и вернувшейся рыбацкой удачей. Мелькнула мыслишка насчет работы. Готовился к сдаче клиенту очень выгодный проект: надо было позвонить в офис, поинтересоваться, как там идут дела, но и эта мыслишка канула, будто и не возникала. А парнишка-то не глупый! Ишь ты, совет какой дал: на палочку, как на лебедку леску наматывать. Действительно, плавное поступательное движение могло бы спасти и поводок, и поплавок.

И вдруг саднящая, занозистая боль кольнула в сердце. Скотина, козёл безрогий! Кого обидел? Убогого! И за что? За добрый совет... Вот так, в голос, Антон Андреевич еще ни разу себя не ругал, но легче от этой самокритики не стало. Рыбалка во мгновение ока была испорчена напрочь.

Не удалось развеяться и на работе. Весь день прочкался Антон Андреевич из угла в угол, искурил три пачки сигарет, выглушил бутылку коньяка, чего за ним, практически непьющим, ранее никогда не водилось. В довершение душевного раздора велел ошарашенному бухгалтеру повысить вдвое зарплату придурковатому уборщику Семену Летягину, которого еще намеренно собирался уволить за несоответствие.

Ночь тоже не принесла облегчения. Заноза из сердца переселилась в мозг и, хоть убейся, не желала оттуда выдавливаться. Пришлось будить жену и признаваться ей в содеянном грехе. Леля — потрясающе добрый и сострадательный человек, хоть и моложе своего благоверного на семнадцать с гаком лет, постаралась разложить по полочкам все аспекты совершенного мужем поступка. В конечном итоге вспомнила нечто подобное, сотворенное ею самой в детстве, и расплакалась от жалости к мужу, себе и незнакомому мальчишке из психоневрологиче-

ского интерната. Короче, подлила масла в огонь. И натолкнула Антона Андреевича на первую в означенном промежутке бытия здравую мысль.

В четыре утра Антон Андреевич вызвонил своего давнего приятеля, владельца магазина рыболовных принадлежностей, и накупил всяких снастей — этой мужской бижутерии — аж на пятьдесят тысяч рублей! Загрузил в багажник джипа, сел за руль сам, дабы не тревожить водителя, и поехал на речку. На то самое место!

Клёв выдался ровным, приятным, на четверочку с плюсом. Можно было оценить бы и твёрдой пятёркой, но Антон Андреевич часто оглядывался в сторону холма, теща себя надеждой, что из березовой рощицы на его склоне вот-вот появится вчерашний мальчишка, а потому и пропускал отдельные солидные потяжки и притапливания.

И парнишка появился. Суховатая фигурка с непомерно крупной головой возникла в поле зрения неожиданно, как чертик из табакерки. Была в далеком Антоновом детстве такая игрушка. Кнопочку на боковой стенке нажмешь, крышечка откинется и выскакивает из табакерки веселый пружинистый чертик. От прабабушки игрушка досталась...

Парнишка уселся на поваленное деревце вдали от Антона Андреевича и с неподдельным интересом принялся наблюдать за поплавком, вздрагивая всем телом при малейшей поклевке. Вытаскивая очередную рыбешку, Антон Андреевич краем глаза примечал азарт, радость, произвольные жесты мальчишки, повторяющие в точности его собственные. Комично, в общем, будто в зеркале.

— Эй, парень! Доброе утро! Подгребай поближе!

— Доброе и вам утро, дядечка! А ругаться не будете?

— Прости, браток! Не буду! — Антон Андреевич приложил палец к губам. Потише, мол, рыбу распугаешь.

— Давай знакомиться, — протянул он руку мальчишке, — Меня Антоном Андреевичем зовут, а тебя?

— А меня, дядечка Антон Андреевич, Колькой кличут. А отчество мне не положено, поскольку я безотцовщина и дурак. Правда, мирный дурак. Поэтому доктор Владимир Яковлевич, наш психиатр, разрешает мне ходить на речку.

— А удочка у тебя есть?

— Нету, дядечка. Обеспечиваемым не положено.

Антон Андреевич проглотил шершавый комок, взявшийся незнамо откуда и царапнувший горло так, что на глаза навернулись слезы, и произнес:

— Пойдем к машине!

От увиденного мальчонка буквально потерял дар речи. Боясь прикоснуться к чему-либо, он жалобно взглянул на Антона Андреевича и сжался подобно побитому бездомному щенку.

— Владей! Все твое. — Антон Андреевич поспешно отвернулся и пошел к оставленной без пригляда удочке, на ходу украдкой утирая намокшие глаза.

Николай тем временем оснастил новехонькую шестиметровку, по легкости чуть тяжелее пушинки, воткнул в кембрик огруженный поплавков, воспользовался приготовленной старшим напарником насадкой и принялся с завидной удачливостью облавливать благодетеля. Оба были счастливы.

От автора. Антон Андреевич посетил главного врача-психиатра Владимира Яковлевича. Беседовали они полдня и пришли к выводу, что Николай вполне способен адаптироваться в нормальном обществе, понеже обладает математическим складом ума и логическим мышлением. Вот я и думаю, возмись психиатрия лечить всех ненормальных, с точки зрения благополучного обывателя и потребителя, людей, мы бы, как пить дать, лишились Леонардо да Винчи, Эйнштейна, Николы Теслы и иже с ними. Запросто лишились бы прогресса и миропонимания.

И еще. У этой истории обязательно должно быть продолжение, ибо Антон Андреевич решил взять шефство над своим напарником Николаем и над всем детским психоневрологическим интернатом.

ГИБЛОЕ МЕСТО

Сюда, на один из многочисленных и довольно-таки крупных притоков Оки Виктор Александрович еще ни разу не забирался. И приток оный, то бишь, речка с первого взгляда не пришлась Виктору Александровичу по душе. Берега крутые, высокие и обрывистые, сплошь заросшие ивняком, колючим боярышником, затянутые поверх кустов похожим на браконьерские сети «бешеным огурцом», заполненные крапивой в два человеческих роста, лебедой, чертополохом и прочими собачками-цеплячками вперемешку с репейником. Подходы к воде ежели и были, то с подмывами и болотной чвакой. Сильное течение, темная до черноты вода дополняли мрачное, какое-то тревожное впечатление.

Тем не менее там и сям по левому и правому берегам на, казалось бы, сплошных неудобьях непостижимым образом лепились рыболовы-сомятники, ибо речка искомая славилась именно призовыми сомами. Этот факт, кстати сказать, и сподвигнул Виктора Александровича на поездку. Оставалось приглядеть местечко и, как говорится, приступить, помолясь, к любодейству, издревле именуемому рыбалкой.

С местечком, как уже сказано, пришлось туговато. А коль учесть рыбацкую зуду, возникающую в предвкушении процесса, то и не только туговато, а вполне себе и психически напряжно. Кто не рыбачил, тому не понять.

Наконец повезло. Между двумя огромными ивами Виктор Александрович обнаружил крохотную бухточку, едва угадываемую под крутым, метров на тридцать, спуском к воде. Странно, как это местные рыболовы-завсегдатаи не натоптали сюда стежку?..

Развернув свой внедорожник багажником на восток, к проклюнувшемуся верхушечкой над горизонтом солнышку, Виктор Александрович, нагрузившись снастями, стульчиком, термосом и пакетом с бутербродами, боком, дабы не поскользнуться и не сверзиться на заднице по росной траве, начал спускаться к воде. А добравшись до бухточки, еще раз приятно удивился. От воды стелилась по берегу метровая полоска чистого песка вперемешку с мелким ракушечником, а напротив самой бухточки медленно закручивался обратным течением какой-то, ленивый, что ли, водоворот. Короче, все признаки указывали на наличие сомовьей ямы. Мечта идиота, по меткому выражению известного литературного персонажа.

Спецом именно по сомам Виктор Александрович отродясь не числился. По сути это была первая его вылазка на охоту за речным монстром. Вообще-то в рыбалке Виктора Александровича привлекала скорее философская составляющая бытия: созерцательность и поэзия пространства, а результат служил дополнением к миру и ладу в душе.

Не придал Виктор Александрович значение и тому факту, что угнездившийся на противоположном берегу, аккурат напротив, тучный, морковно-красный мясистым лицом мужик красноречивым жестом отмахнул ему в сторону: смени, мол, место! Понятно, при охоте на сома необходимо соблюдать режим тишины — это Виктор Александрович знал, а все остальное по барабану. Молча, короче, проигнорировал. Может, не понравившийся ему красномордый бугай какому ни то своему приятелю местечко надумал постеречь? А вот хренушки! Места на речке не купленные...

В результате не сопоставил, не просчитал и не внял. Не до того. Насадив на двоякоогнутый крюк увесистый кусок заветренной куриной печенки, Виктор Александрович примерился и удачно, в самую серединку водоворота, забросил свою боевую снасть. Морская тунцовая леска-веревка, удилище категорически жесткого строя, практически ничего общего не имеющее с классическим фидером и больше смахивающее на дрын, и морская же мультипликаторная катушка в размер генератора с «тойоты» Виктора Александровича. В общем, самое то для какой-нибудь верхоплавки...

Отработав главный ритуал, Виктор Александрович водрузил сомовью снасть на мощную подставку-держатель, перевел малость дух, ибо упыхался с забросом, и дабы не сидеть сиднем в ожидании чуда, размотал изящный пятиметровый карбоновый «телескоп». Вот это была удочка-игрушечка, пушинка в лопатистых мужицких ладонях. Насадив на оба «заглотыша» по два опарыша, Виктор Александрович принялся таскать в проводку дуплетом упитанную уклею, слепящую серебром чешуек глаза и радующую рыбацкую душу.

И чуть не проворонил поклевку на донке. Хотя сложно было не заметить мощнейший удар, едва не вырвавший дрын из держателя. Тут уж никаких колокольчиков и прочих навороченных сигнализаторов не надо.

На какое-то еле уловимое мгновение сердце у Виктора Александровича перестало биться, потом замолотило, что твой движок, пошедший в разнос, а потом и вовсе рухнуло в сапоги! Ухватившись за дрын обеими руками, он потянул его на себя. Не тут-то было! В тихом и мирном водовороте вдруг совершенно ирреально вспух водяной пузырь, тут же с шумом лопнул, да так, что брызги долетели до берега и повисли у Виктора Александровича на бровях и ресницах, засты глаза.

Леска на донке, понятное дело, была натянута при постановке струной, то бишь, без свободного хода и поэтому следующий рывок заставил Виктора Александровича невольно пробежаться несколько метров вслед за удилищем... Хорошо, за куст зацепился и не ухнул в речку.

Вот тут Виктор Александрович запаниковал. Надо было освободить левую руку, дабы либо ослабить леску, либо по ходу накручивать ее на «мультик». Но рука как будто приросла к дрыну. Отпусти — и одной рукой удилище не удержать. Читал же где-то, пень самоуверенный, что на сомовью охоту в одиночку не ходят!

Что делать? Не бросать же снасть, влетевшую в без малого двадцать пять тысяч родных «деревянных»!.. А улов? Ясен ведь лапоть — не пескарь там, на том конце шнура! Это ж при удаче можно потом долгие годы на рыбацких понтах почивать...

Пришлось звать на помощь, то бишь, орать заполошно «караул!» Народ откликнулся. Слева и справа, ломая кусты и матерясь почем зря, рванули на зов очумевшие от неожиданности рыбаки. Бежать было метров по пятьдесят с обеих сторон, но помощь все-таки успела. В последний миг! Выломившуюся из ладоней Виктора Александровича удочку подхватили в четыре руки. Леска зазвенела щенячьим дискантом от очередного мощного рывка, но вдвоем-то мужики удочку удержали, послав суетящегося обочь Виктора Александровича в пи-пи-пи.

Прикатали на «муравье» с дальней засидки еще три солидных мужика. (Как их бедный трехколесный агрегат силой в бензопилу и возрастом в ровню полету первого спутника довез-

то — непонятно?). Объединенными силами после почти часовой борьбы и сплошного мата улов был оглушен здоровенной суковиной и волоком вытащен на берег.

В первый за этим фактом миг наступило, как говорится, гробовое молчание, особенно оглушительное после страдной звуковой какофонии. Все как один, присутствующие в данный исторический момент на берегу рыбаки онемели, взирая на то, что вогнало их в семь потов и грех сквернословия.

А посмотреть в изумлении было на что! Под ногами, вернее, наравне с коленями рыбаков лежал сом. Огромный, неестественно огромный сомище, смахивающий на откормленного трехгодовалого борова. Метровые усищи, толстые у основания, будто щупальцы у осьминога-переростка, злущие, заплывшие жиром глазки на лобастой морде и широченная, чемоданом, пасть с торчащей между плотно сомкнутыми губищами карбоновой леской-шнуром. Забегая чуть вперед скажем: сом потянул на семьдесят три килограмма. Может, где и крупней бывает, но по единодушному мнению помощников Виктора Александровича на данной речке в обозримом прошлом такой зверюга еще не попадался. От силы выуживали пудовых, да и то с прибрёхом на четыре-пять кило.

Оное экстраординарное событие вышибло рыбаков из привычной колеи. Про Виктора Александровича вообще говорить не приходится: о продолжении рыбалки он уже и помыслить не мог.

Совместными усилиями, в прах упухавшись, сома выволокли вверх, к машине. В багажник он не помещался; пришлось складывать задние сидения, но даже и таким образом монстра еле впихнули, свернув чуть ли не колесом.

Человек непьющий и некурящий, но умудренный жизненным опытом, Виктор Александрович достал из барадачка солдатскую флягу, налитую по горлышко чистейшим медицинским спиртом, грешным делом выпрошенным у жены — главврача дома престарелых. Добровольных помощников и, по сути, главных участников события вид фляги привел в радостное состояние духа. Мгновенно все разбежались подбирать оставленные снасти, потом начали степенно сползаться в кружок, раскрывать рюкзаки и выгружать на постеленную клеенку припасы. Получилась вполне себе нехилая поляна. Сало, колбаса, сваренные вкрутую яйца, налитые бордовые помидоры, хлеб, упаковка баночного пива и две поллитры сорокаградусной «Белочки». И ничего рыбного, понеже рыба на рыбалке — дурная примета: ни фига не поймаешь...

Виктора Александровича поздравили с невероятным уловом, сдобрив собственную, засевшую глубоко в подсознании зависть словами о том, что, дескать, новичкам и дурачкам всегда попервам везет, мужики вдруг притихли, обратив взгляды на водителя мотороллера — стриженного «под ноль», широкого в плечах мужика. Тот повернул голову чуть вправо и глухо произнес:

— За тебя, Николаич. Удачных тебе рыбалок там, наверху!

Виктора Александровича будто ножом по сердцу резануло! Как же это он, профессиональный психотерапевт, сразу не сложил в уме разрозненную мозаику в единую картинку. Видел же краем глаза в зарослях крапивы обочь начала спуска к воде какую-то крашенную металлическую табличку, но в голову не взял. Мало ли по какой надобности воткнута она в

землю. Может, просто репер геологический или пацанва игралась?.. И только сейчас дошло, почему такая удобная рыбацкая засидка безлюдной оказалась.

Мужики подтвердили: да, пять лет назад местный житель, Николаевич, утонул аккурат в этом самом месте. Разнились только причины. Одни утверждали, что пьяный был, другие спорили, будто сом трезвого под воду утащил. Со временем победила вторая версия, начавшая помаленьку превращаться в легенду. Тот самый несчастный Николаевич при жизни был бобылем, а потому и похоронили его мужики-рыбаки вскладчину и памятный знак потом установили тоже вскладчину. Такой, что нынче сплошняком стоят вдоль российских автострад.

А сома Виктор Александрович отвез в дом престарелых. Сдал на кухню в компенсацию за незаконно приобретенный спирт.

ВЫВЕРТЫ

Выйдя в полную и бесповоротную отставку по ранению, теперь уже навсегда бывший гвардии майор ВДВ Вадим Андреевич Пинегин увлекся рыбалкой. Поначалу поблизости при-страивался: в городских прудах и прудиках, в речке-грязнотечке мелочь приваживал. Ходить тяжело было, и рука левая почти не слушалась. Паскудный фугас ахнул аккурат под передком «козлика». Водителя Лешу Апраксина на куски разнесло, а ему, майору Пинегину, можно сказать, подфартило. Взрывной волной его вместе с правой дверцей машины и тем, что миг назад было Лешей Апраксиным, выдуло на обочину горной дороги, прямо за внушительный обломок скалы. Осколки потому и не прошли его насквозь, а лишь вышибли коленную чашечку на левой ноге и порвали сухожилия...

Потом майор начал помаленьку осваивать пригородные водоемы, и рыбалка, именно она, родимая, спасла его от участи другого сослуживца — сержанта-контрактника Миши Швыдкова — ныне безногого колясочника и хронического алкоголика.

Не было бы счастья, да несчастье помогло! Век бы не понял, что это такое — рыбалка. Всегда, сколько он помнил себя, человек деятельный, шустрый, «пропеллер в заднице», как звал его отец, Вадим снисходительно, с долей жалости и легкого презрения относился к рыбакам, считал их маленечко, что ли, убогими. Ему как-то не по себе становилось при виде сидящих вопросительным знаком в зной и холод, в дождь и пронизывающий до костей ветродуй, мужиков с удочками. Как можно убивать по целой рабочей смене, сплошным дурнем уставившись на приклеенный к воде поплавок.

И только когда нужда заставила, Вадим нашел ответ на свой вопрос. Оказывается, и это неоспоримо, рыболовы гонятся за жизнью. И молодые, и старые ищут у воды жизнь. И для рыболова важен не столько сам улов, сколько процесс. Стоит, к примеру, поплавок — не шелохнется, а ты сидишь, бездумно как бы, уставившись на него, и вдруг ловишь себя на том, что ты, оказывается, мыслишь, и мысли твои — на удивление чистые, словно вылученные кедровые орешки, янтарные и прозрачные. И душа начинает порхать, голова просветляется, болячки перестают терзать тело. Дернулся поплавок, чуток притопился и пошел, пошел в сторону! Подхватываешься с того, на чем сидел, хватаешь удочку, подсекаешь — на крючке, льющаяся серебром, трепыхается рыбка! Снимаешь, кладешь в садочек, меняешь наживку, снова забрасываешь на едином дыхании снасть в воду, и только тут, не веря самому себе, испуганно-восторженно осознаешь, что подсечку ты сделал той самой левой рукой, которую столичные академики в лучшем военном госпитале приговорили к полной пожизненной неподвижности. И нога, непослушная, абсолютно нечувствительная к боли, негнущаяся, будто деревянный костыль, приделанный к телу, в счастливый миг поклевки не подвела! Спружинила, уперлась ступней в травянистый бугорок и, как током, ударила животворной болью в пах. Жизнь! Рыбалка — это жизнь!

В тридцать два года ставший инвалидом первой группы, к тридцати семи Вадим Пинегин утвердился как человек, нужный и себе, и семье, и окружающему миру. На работу его никуда не брали, поскольку, понятное дело, ни один работодатель не хотел рисковать: взваливать на себя ответственность, нарушать закон об инвалидах и пр. Здорового безработного народа навалом кругом, так на хрена козе баян?.. Поначалу Вадим страшно комплексовал, но однажды к нему домой заскочил на минутку бывший командир — привез гору подарков от однополчан.

Посидели, выпили, и на все жалобы и сетования «за жизнь» покалеченного майора полковник приказным тоном заявил, как отрезал:

— Пенсия у тебя в два раза больше твоего же жалованья. Кончай ныть. На рыбалку иди!

С того и началось. Слава Богу, надоумил послушаться командира. Пенсия действительно солидная, гораздо внушительней средней заработной платы по стране, чем так гордится наш премьер и не устает убеждать россиян «по ящику», что они вовсе даже и не бедные, а почти такие же обеспеченные и благополучные, как на цивилизованном Западе. Вообще-то Вадим на премьера не в обиде — мужик неплохой, умный, вот только подпевал вокруг него немерено.

За пять инвалидных лет Вадим незаметно привык к своему житию-бытию, и оно, это самое бытие, определило его сознание. Он уже не мельтешил «пропеллером в заднице», не рвался в бой, не бесился на соседей сверху, бесконечно устраивающих евроремонты в своей квартире, не раздражался на всевидящих и вездесущих бабушек у подъезда, сверлящих, будто рентгеном, ехидными глазёнками каждого входящего и выходящего, не обрѣхивался с теми же настырными бабульками в общественном транспорте, когда те принимались блажить на него, «здоровенного бугая», не уступившего места немощным старушкам и прочим ветеранам какой-то войны какого-нибудь затертого одна тысяча восемьсот двенадцатого года, и т. д.

Вадим органически вписался в этот мир и принялся сосуществовать по-христиански, в ладу с самим собой, с любимой женой и сыном, с природой и всеми ее созданиями. До поры.

Первый звоночек раздался по телевизору. Дикторша местного официального вещания, восторженно сверкая глазками и штатной улыбкой, захлебываясь от избытка чувств, сообщила телезрителям, что излюбленное место отдыха горожан — речку с запрудой, пляжем и лодочной станцией — лесничество передает в аренду культурному предпринимателю, а оный предприниматель обязуется очищать берега от мусора, обустраивать всякие-разные скамеечки, раздевалки, грибочки от дождя. И места для рыбалки в том числе. В общем, делать все то, чего госвладелец отродясь не делал. И наступит, дескать, чистота, красота и благолепие окружающей среды. Не сказала главного: сколько же предприниматель-арендатор будет «вычесывать» за свои услуги с каждого отдыхающего, с каждого рыболова? Да и вообще: чем он благодетельствует тех же рыболовов-любителей: почистит дно, к естественному корму разведет жирных и мордатых «мичуриных» циклопов, дафний, мотыля с палец, запустит к ершикам, окунькам, карасикам и плотвичке стерлядь, форель, белорыбицу?

Впервые за пять лет Вадим задумался: куда прѐм? Получается какой-то пердимонкль: статья 36 пункт 2 Конституции Российской Федерации, к примеру, говорит: «Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляется их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц». Что ж выходит, разве весь российский народ — это не все «иные лица», имеющие право свободно жить и пользоваться той природной средой, в которой они родились? Лесничество, являясь владельцем речки, в принципе его, Вадима, прав не ущемляло: сидишь себе с удочкой — и сиди, не нами речка сотворена, не нам с нее и дивиденды стричь. А теперь? Хорошо, коли тот культурный и природолюбивый арендатор соблюдет все перечисленные условия и только после этого начнет взимать плату за свои услуги, а ежели нет? Вон, в прошлом месяце поехали с мужиками к старому приятелю Вадима на дачу, вернее в деревню, где приятель по случаю за бесценок прикупил домик. Приятель, кстати, сам соблазнил Вадима и ещё двоих знакомых рыбалкой на деревенском прудике. Караси, мол, дуром прут

на крючок, ибо их там пропасть, кишмя кишат, воды не видно... Приехали, переночевали, по холодку на утреннюю зорьку двинули. Только расселись вокруг прудика, забросили удочки, откуда ни возьмись — два добрых молодца совсем недеревенского вида и даже не коренной окрестной национальности на бережку образовались. Да, образовались, значит, и талдычут: гоните по три червонца с рыла и до девяти утра ловите спокойно нашу рыбку. Как это вашу? Пруд — артельный, если на то пошло, рыбка — божья, почему мы должны платить за нее? А черноусые молодцы в ответ: дескать, пруд — наша собственность, мы — арендаторы, не хотите платить — сваливайте, иначе «мало-мало резать вас будем».

До резни и кровопролития дело, конечно, не дошло. Все-таки с Вадимом было еще трое нехилых мужичков, поднаторевших в словесных битвах победившей демократии, а тех всего двое. Однако после этого выверта доморощенного капитализма Вадим стал брать с собой десантный нож, подаренный тем самым командиром, что приказал ему заниматься рыбалкой. В умелых руках такой нож будет покруче пистолета, а по крайней мере правая рука гвардии майора Пинегина умения, да еще ой какого умения, не лишилась.

Для справки. Между прочим, речку с пляжем и лодочной станцией, загаженную отбросами цивилизации, разрекламированный по областному телеканалу предприниматель в аренду не взял. Видно, лесные чиновники не на лоха напали: подсчитал мужик затраты, прикинул пять на восемь и сделал дядям с дубовыми кокардами на фуражках ручкой «адыю».

А Вадим Пинегин, не просивший для себя никаких привилегий, никакого особого статуса, угодил в криминал!

Забрёл он как-то в пологий овражек за околицей пригородной деревни и наткнулся на естественное озерцо метров двадцати в диаметре. Шел, к слову, от Щучьего ручья, где без малейшего намека на поклевку проторчал часа два и, решив, что это не его день, подался к автотрассе на автобус. К овражку свернул, дабы сократить путь. Глядит, а в озерке-то, больше смахивающем на безжизненную дождевую лужу, то там, то тут рыбка плещется. Удача? Конечно! Не рыболовам, ясный трактор, рассказывать, что такой подарок природы упускать просто грех. Вадим аж дрожью изошел, настраивая удилище и насаживая на крючок приманку.

Первый же карась хапнул насадку едва крючок коснулся поверхности воды. А потом пошло-поехало, и часа через полтора у Пинегина в садочке шебуршились десятка два карасиков с ладошку и чуть покрупнее. Самая, кстати подчеркну, вкусная рыба, еще не нарастившая мелких острых костей в спинке, но уже вполне пригодная и для жарки, и для ухи, и на таранку к пивку. Конечно, это — проза, а процесс рыбалки — поэзия. Я уже говорил? Ну ладно, лишний раз не помешает...

Удовольствие, радость, наслаждение — Вадим и сам бы не объяснил, чего на сей момент больше. Наверное, всего поровну. В общем и целом, Пинегин наслаждался процессом и не заметил, как со спины (подлейшее дело для рыбака) кто-то к нему подошел. И когда раздался голос, Вадим невольно сжался и вздрогнул.

— Эй, ты! Ктой-то тебе разрешил тут ловить?

Вадим напрягся, в памяти сразу возникли образы теледикторши и двух усатых «арендаторов». Он полуобернулся. Почти вплотную к его стульчику стоял красномордый, с месяц

небритый, пропитой мужичонка с мутными, злыми поросячьими глазками-пуговками. Сразу видно, местный, коренной, кондовый...

— Какие проблемы, браток? — Вадим улыбнулся. — У кого я должен разрешения спросить?

— Хер ли ты скалишься? Это я тут карасей запускал!

— И документы есть? — Вадим смахнул улыбку с лица, поджал губы в ниточку. — На частное владение?..

— Ты мне херню не пори! — мужичонка затряс головой. — Хватай, говорю, жопу в горсть и вали отсюда, пока морду не набили и удочку не поломали!

— А вот это ты зря. Удочка — моя частная собственность, морда — тоже. Имею полное и бесповоротное право на самозащиту.

— Ну гляди, бля! Сейчас мужиков приведу! — красномордый повернулся и сноровисто припустил к деревне.

Настроение было испорчено напрочь. Поклевки и улов уже не радовали, но уходить Вадим не собирался. Он не боялся. Его не учили бояться, по большому счету он даже не знал толком, что такое трусость. Чувство страха, конечно, ему было присуще, как всякому разумному человеку, но от страха он никогда не убегал, а принимал адекватные меры, чтобы избавиться от него.

Мужичонка привел троих таких же небритых и замурзанных личностей, как и он сам. Среди них затесался какой-то пацаненок лет семи-восьми с пунцовыми от любопытства ушами и раскрытым буквой «О» ртом.

Вадим поднялся со стульчика, шагнул от водного уреза, пружиня тело к схватке, мгновенно выхватил из ножен на армейском ботинке десантный нож.

— Не бзди, мужики, у него шлеп-нога! — красномордый зачинщик кинулся на Вадима. — Бей его, суку рваную!

В следующий момент мужичонка получил торцом рукоятки в лоб. Ударом плеча Вадим развернул его спиной к себе и кончиком тесака вспорол ему портки от пояса до задницы. Остальные в схватку так и не вступили. Пацаненок, восторженно глядя на Вадима, сказал:

— А лужа эта ничейная! Лови, дядь...

Сейчас с Вадима взята подписка о невыезде, и его ждет суд.
Всё!

У ЛЫСОЙ ГОРЫ

Третий час смолю сигарету за сигаретой, с тоской взирая на два своих поплавка, будто приклеенных посередине тихого омуточка на живописной речушке Вашане. И, в который раз!, прихожу к выводу, что сия вредная привычка усугубляется до неприличия, паче того, полного и абсолютного безобразия именно на рыбалке. Воистину: нет клёва — куришь одну за другой, поскольку больше-то делать нечего; клюет — тот же пердюмонокль! Избыток адреналина чем-то надо гасить. Ежели я не прав, сами обратите внимание на кучи окурков в насиженных хроническими рыболовами местах по берегам рек, речушек, озер, прудов и прочих водоемов...

Каждый раз, собираясь на рыбалку, зарекаюсь не курить до первой поклевки, да вот фигушки! — ничего не получается. Кстати, было бы просто здорово, коль мужики-рыбаки, бросившие курить, поделились бы со страниц «РР» с бедолагами, подобными мне, собственными способами и предпринятыми действиями по избавлению от дымовой заразы. Наверняка ведь есть у кого-то радикальный рецепт от дьявольского наваждения. Поделитесь, мужики. И нам польза, и вам зачтется.

Ну, а в общем-то мой рассказ совсем о другом. Этот рассказ о Донке. Вот так, с большой буквы, понеже хочу я вам поведать в чем-то анекдотичную, но реальную историю о существе, получившем данное имя в результате экстремального происшествия.

...Да, сижу я, значит, смолю поганое курево и медленно, однако сам подозреваю, неуклонно теряю остатки утреннего рыбацкого энтузиазма. Нахальная, белесая от старости ворона, уместившись на голом суку здоровенной коряги метрах в пяти от берега, смотрит на меня натурально презрительным взглядом, время от времени прикладывая когтистую лапу к голове и побрѣхивая по-собачьи. Пень ты, мол, бестолковый, сидишь тут без дела. Хоть бы червяков копал... Тоска, одним словом.

И вдруг окружающую среду и мою мятушуюся душу будто каким-то живительным теплом тронуло. Такое нежное и ласковое тепло, такое ни с чем не сравнимое счастье я испытывал в раннем детстве, когда бабушка Татьяна проводила по моим щекам пушистым кроличьим хвостиком. Поворачиваю голову влево. О штанину трется незнамо откуда взявшаяся трехцветная молоденькая кошечка. Рыже-бело-черная, субтильная такая, аккуратно сложенная кошечка! И чувствую я, вот-вот начнется клев. Без тени сомнения чувствую, ибо трехцветные кошки приносят удачу. Это настолько верно, что и к бабке не ходи...

Достаю из кармана рюкзака коробку с бутербродами, предлагаю кошечке кусочек колбасы. Существо мурлычет, из вежливости надкусывает острыми зубками краешек угощения и снова принимается ласкаться. Выходит, сыта. А может тут совсем другой коленкор? Из всего ведь нынешнего изобилия наименований колбас условно съедобными можно назвать один-два. Не то что та давнишняя мокрая колбаса с янтарными вкраплениями шпика, по два двадцать за кило, что мы возили из Москвы. Едва ли не единственный сорт вареной колбасы был на весь СССР, а вкус до сих пор помнится. Вкус мяса! Не сои, не крахмала с известкой, а мяса...

Поглаживаю кошечку по спинке, показываю вороне надкусанный кружок колбасы. Старуха снимается со своего насеста, тяжело шмякается метрах в полутора от нас с кошечкой. Бросаю вороне гостинец. Пара ударов клювом и от колбасы не остается никакого воспомина-

ния. Старуха довольно хрюкает, ковыляет к нам и устраивается почти рядом с кошечкой, которая, кстати, ничуть не пугается означенного соседства. Идиллия!

Поплавок резко дергается и уходит вправо. Подсекаю и вытаскиваю карася в две ладошки. Мгновенно заплясал левый поплавок. Подсечка! Есть почти килограммовый голавль. Не знаю, кому как, а мне по душе грубоватая снасть: килевые поплавки-оливки на 3—4 грамма, основная леска ноль двадцать два или ноль два, поводковая ноль четырнадцать — ноль шестнадцать. И с одинаковым успехом, коли масть пошла, ловлю я на эту снасть и уклейку (крючки, правда, заглотиши или двоечка-троечка), и пескаря, и двух-трехкилограммового сазана. Замечу, без подсачка! А наемдни щучку подцепил весом два двести. На крохотный шарик манной каши! Хотите- верьте, хотите-нет.

— Здорово, земляк! — басовито раздается у меня за спиной. — Фекла, и ты тут, старая вешалка! Побираешься. Не стыдно? Земляк, а ты Донку мою не видел?

Оборачиваюсь, слегка ошалев от напористой обоймы из приветствия, констатации факта и вопроса, опороженной мгновенно одним нажатием курка. Батюшки-светы! Надо мной нависает огромный мужичище быковатой наружности. Прямо как в бесконечных сериалах о доблестной, суперинтеллектуальной, благородной полиции и тупой, жестокой, изворотливой мафии, где безмозглые быки-шестерки направо и налево забивают стрелки, устраивают кровавые разборки и, ничтоже сумнящся, устилают трупами как виновных, так и безвинных жертв всю поголовно окружающую среду. Такого красавца встретишь на узенькой болотистой тропинке — в грязь спрыгнешь...

— Привет, — говорю — добрый человек. Не обессудь, поверь на слово, сижу уже часа два. Были бы тут донки, заметил бы, как пить дать. Тут ведь даже подпуск заметить не проблема — вода чистая.

И все это я, весь, простите, словесный понос, выдаю на едином дыхании, умильно заглядывая в глубоко посаженные глаза гориллоподобного мужика.

И в этот момент кошечка пулей вылетает из-под моего стульчика, в мгновение ока прыгает на его штаны из чертовой кожи, взбирается мужику на плечо и принимается тереться о щеку, поросшую недельной щетиной.

— Озоруешь, Донка. Что вот хороший человек о тебе подумает? Иди, вон, давай, с Феклой покуролесь... — лицо мужика, доселе каменное, расплывается в смущенной широкой улыбке, а глаза прямо-таки лучатся неподдельным счастьем.

— Ты не подумай чего... — обращается ко мне мужик, тщетно пытаясь загасить подетски открытую, обезоруживающую улыбку, — Она у меня послушная. Молодая еще, вот и озорует. Меня Витькой зовут, а тебя?

Напряженность, характерная в нынешние нигилистические времена и всю поддерживаемая телевидением и прочими средствами массовой информации, как-то вдруг и сразу покинула меня. Передо мной переминался с ноги на ногу такой же зомбированный тележутиками бедолага-россиянин, как и я сам.

— Ну, Виктор, слава Богу, а то ведь я, грешным делом, обвиняемым себя почувствовал. Кстати, почему, Донка?

— Донка-то?.. Погоди, Володь, потом расскажу. Дай хоть поплавок замочить. Правый, правый у тебя повел! Рот не разевай.

Я оборачиваюсь к воде, судорожно хватаю удилище. Палка гнется в дугу, леска натужно звякает. На крючке темно-золотистый лапоть сорок последнего размера. Лещ! Килограмма на три! Аккуратно, без слабины вывожу его к берегу, пологому, голому и осклизлому от росы. Душа поет, а тут и левый поплавок принимается приплясывать. Ну уж нет! Не буду дергаться и прыгать за двумя «зайцами».

Виктор подбегает на выручку и вытаскивает,.. кого бы вы подумали? Стерлядку! В локоть по размеру.

Ошалело переглядываемся, веря и не веря моей удаче. И не столько лещ нас шарашит, хотя и хорош, чертяка, сколько стерлядка. Вашана — речка невеликая. По протяженности, как бы не соврать, километров семьдесят с небольшим. Ее даже на карте области не скоро найдешь. С того редкого для бурной Вашаны пологого спуска к воде, где я пристроился, видна Лысая гора, о которой ходят легенды. Собственно, это и не гора вовсе, а большой, оплывший от времени курган без единого кустика, деревца на склонах и макушке. Краеведы и местные музейщики находят на малых раскопах поражающие воображение артефакты: плоские и овальные камни с нанесенными на них рисунками фантастических животных, крылатых людей, машин и аппаратов, коим нет аналогов на Земле, наглядных инструкций по применению лазерных технологий в хирургии и много всякого другого, о чем современная наука пока что и не мечтает. Камешкам же тем и вырезанным в них рисункам, как показывает структурный анализ, более миллиона лет! А еще в окрестностях Лысой горы происходят изредка невероятные чудеса. То время там остановится: кажется, минут пятнадцать прошло, а на самом деле часов пять минуло. То туман вдруг в солнечный день нагрянет и выступают из него расплывчатые очертания чего-то прекрасного и пугающего, а то и вовсе летающие тарелки принимаются барражировать над головой. Сам я, правда, ничего, кроме камней с трехмерными изображениями, не видел, однако такого чувства трепетной причастности к тайне, как на Вашане, нигде более не испытывал. Видать, поэтому и браконьеры остерегаются безобразничать в этих загадочных местах. Кстати, стерлядку мы с Виктором выпустили. Жалко было до соплей, но запечатлели на мобильники и выпустили. А то ведь неровен час...

Краем глаза поглядываю на ворону и на Донку. С ними сплошная потеха. Кошечка лежит впритирку с Феклой, изредка трогая ее лапкой, на что ворона реагирует совсем уж странным образом: гладит кошечку клювом вдоль спинки и сама, похоже, мурлычет, прикрывая бусинки глаз матовой пленкой. Опасаюсь собственные гляделки вывернуть наизнанку, понеже клев-то и не думает ослабевать. Я уже успел отправить в садок десяток шершавых, будто кирзовый сапог, окуней, столько же серебристых плотвиц, двух линей по килограмму и без счета гибридных карасей. Виктор одну за другой стебает сковородочных плотвиц на болтушку, и я все больше и больше начинаю уважать его, ибо мужик не пижон. Снасть у него поглубей моей: леска ноль двадцать пять и поплавок шестиграммовый. К месту сказать, при всем моем уважении к рыбакам-спортсменам с их супертонкими и архилегкими снастями, я не раз бывал свидетелем, когда даже невеликая рыбешка рвала у них снасти и уходила погибать с крючком и поводком во рту.

Почему у меня нынче сказочный улов? Вроде бы такое видовое разнообразие рыб не должно собираться в единую кучу? Задаю Виктору эти вопросы, втайне балдея от собственной удачливости. Виктор улыбается, смешно щурясь на ярком солнышке:

— Наверное, детство у тебя было тяжелое. Нехватка витаминов, да игрушки все деревянные, к полу прибитые...

Время к обеду. Предлагаю Виктору перекусить. Скрепя сердце, вытягиваю снасть из воды, дабы не отвлекаться понапрасну на любое шевеление поплавок и усваивать пищу в спокойной обстановке. Виктор поддерживает мою инициативу, тоже осушив две свои удочки.

— От греха подальше, — говорит он. — В прошлом году вот так же решил маленько червячка заморить. Поднялся на полянку, раскинул газетку, а тут как клюнет, как поведет! Подхватываюсь, спотыкаюсь. Чай за пазуху, а моя туша кувырком в воду! Картина, я тебе скажу...

— Со мной тоже бывало подобное, — отзываюсь я. — Так что науку задницей превозшел...

Облюбовав местечко в тени цветущей, одуряющее пахучей липы, выкладываем «тормозки» в общую кучу прямо на травку. Виктор достает из рюкзака огромный, на полведра, термос и две металлические кружки. На мой слегка удивленный взгляд и соответствующее хмыканье отвечает с улыбкой:

— Чаёк у меня знатный, всякую усталость снимает. Поэтому и ношу две кружки. Давай-ка, сперва чайку глотнем, а замесы в брюхо после будем кидать.

Чаёк и вправду знатный. Осушив кружку, я уже вроде как и не голоден. Выясняю: половина черного цейлонского и половина элитного зеленого. «Прицепом» ровно двадцать процентов к смеси сушеный смородиновый лист и четверть чайной ложки крупной соли. Обалдеть!

Жуём и, между делом, перекидываемся репликами. Виктора возмущают новые правила любительского рыболовства. Где это, мол, видано, отдавать в аренду участки рек. Ладно, пруды, озера всякие. Хочет с них куркуль-буржуй навар поиметь, нужда заставит и рыбку запускать, и кормить ее до товарного размера. За такой сервис и заплатить не грех, а вот на речке-то за какой хрен ему, куркулю, бабло отстегивать? Плывет себе рыбка по течению. Плывет ничейная, дармовая, прикинь, народная, то бишь. Заплывает к голимому куркулю на участок и становится его, что ли, частной собственностью? А потом, когда спустится за границу этого участка, снова ничейной делается? Хрень какая-то голимая...

Конечно же, я разделяю тревоги Виктора, но пытаюсь подсластить пилюлю. Дескать, арендатор рыбопромыслового участка навесы-грибочки, лавочки, мостки там разные построит, злодеев браконьеров отвадит, насадочку-прикормочку нам поднесет на блюдечке. В ответ Виктор, как наемни ворона Фёкла, крутит пальцем у виска:

— Сам-то веришь в свою сказку?

— Не очень...

— Вот то-то же... Фёкла, блин, не тырь картошку! На вот, яичко точи. Донка! Жри, говорю! Топ-модель хренова! Не кошка, прищепка бельевая... Давай-ка, Володь, еще чайку бухнем.

— Слушай! Ты обещал про Донку что-то рассказать. Колись! И о Фекле поведай, будь ласков.

— А чего? Фекла, она домашняя. У соседки моей, бабки Люды жила. Мы еще пацанятами с этой Фёклой водились. В прошлом году бабка Люда померла, и ворона теперь общая. Наша, деревенская. Знаешь, у нас в деревне на сто дворов алкашей почти нет. Фёкла пьяниц не любит. Увидит какого бухнютку голимого, задразнит, запозорит в прах! Тебе смешно, а она ведь слова всякие знает. Не веришь? А вот, прикинь: сядет на столб, а то и на крышу дома, где алкаш живет, и принимается орать благим матом: дур-рак, дур-рак! Изо дня в день будет блажить, давить на совесть...

— Помогает?

— Кажись, да! Алкашей-то почти не осталось

— Ну, а Донка?

— А чего Донка? Прикинь, в конце весны, месяца полтора назад, прихожу вот на это самое место. Раненько подсуетился, темно еще. Мишка, сосед мой, ну, ты его не знаешь, наплел, что вон под тем берегом, в ямине сом живет. Вон там, где течение обратное и вода волчком крутится! Ну, короче, заблазнило мне того сома достать. Снаряжаю донку, насаживаю кусок печенки куриной и со всей дури запузыриваю снасть в эту самую ямину. Метров семьдесят отсюда будет, как ты думаешь? Вот и я так прикидываю... Короче, закинул, сажу, жду. Ни хрена еще не видно, и вдруг колокольчик как брякнет!

Хватаю хлыстик, подсекаю, слышу какой-то душераздирающий вой, ташу! Вот! Вытащил, вернее притащил с того берега вот её, киску эту. Ты только не смейся надо мной, но я её как своего ребёнка полюбил.

— Да, чудеса тут у вас...

— А то! У Лысой горы, брат, живем...

НАШ ЧЕЛОВЕК

Приход молодому, энергичному и жизнелюбивому иерею отцу Александру достался, прямо сказать, не ахти. В самой середке окольцованного «красным поясом» и основательно обезлюдевшего за последние годы пространства. Бедный, одним словом, приход: несколько старушек, две-три молодайки, оставленные нерадивыми, избалованными внушительным женским перевесом в стране кавалерами, да маленько придурочный дедок Федя Пупков — вот и вся паства.

Храм, построенный добровольцем местного купца и промышленника в первой половине позапрошлого века, перешел в попечение батюшки Александра основательно порушенным. От колокольни, к примеру, даже фундамента не осталось, а в алтаре, трапезной и бывшей церковно-приходской школе на долгие десятилетия обосновалась мусорная свалка и отхожее место.

Тем удивительней явилось для местного люда открытие того факта, что за год с малой толикой своего служения отец Александр неусыпными трудами управил-таки храм: провел капитальный ремонт, подтянул газ для отопления, перекрыл крышу, обновил купола, установил в наверху художественно исполненные кресты. Так-то раскрутить мелких и средних бизнесменов на спонсорскую помощь — дорогого стоит! У самого-то батюшки в кармане — вошь на аркане, а в церковной кассе —мышь давилась...

Впрочем, это всё преамбула, а речь в данном произведении пойдет о рыбалке. Кстати, далекие от церкви люди, зачумленные еще той, большевистской, пропагандой, либо задуренные нынешним потребительским беспределом, думают, будто у священников помимо халявного богатства еще и времени свободного прорва. Отнюдь. Утренняя и вечерняя службы в храме, потом различные требы ежедневные: отпеть покойника, освятить жилище, новоприобретенную машину и пр., совершить обряд крещения, венчания, навестить болящих, помочь добрым словом, а где и милостынькой нуждающимся, подготовить отчет в налоговую службу и другие берушие конторы, заделать щель в дверях, устранить еще какую ни то неисправность в хозяйстве храма — все эти и многие другие дела лежат на плечах единственного штатного священнослужителя, то бишь, батюшки. Помимо перечисленного надо еще и матушке внимание уделить (читай, она же мать троих деток мал мала меньше, и певчая на клиросе, и уборщица, и продавец в свечной храмовой лавке), и с детишками позаниматься, на путь истинный их направить. В общем, не развлечение служба-то церковная. Далекое не развлечение, не мёд сплошной и сахар с какавой. И коли уж из всей круговерти отец Александр выхватывает пару часиков в неделю для рыбалки, то тут ему, конечно же, и счастье несказанное!

И вот как-то июньским утречком — чуть свет — наладился батюшка на бывший колхозный, ныне бесхозный пруд, коль не брать в голову, что четверть водоема вместе с плотиной отхватил себе залетный скоробогачик. Пришёл батюшка, выбрал местечко в просвете между березками, подступившими почти к урезу воды, размотал две поплавочные удочки, забросил снасть на зеркальную, без ряби, без единого «барашка» поверхность, осенил крестным знаменем сперва пруд, потом себя и затих в благостной созерцательности.

Ненадолго. Минут через пять притопился, затем резко пошел вправо и под воду яркий, будто елочная игрушка, люминисцентный поплавок. Окунь? Как пить дать, окунь! Батюшка

подхватился с походного раскладного стульчика, поскользнулся на росной травке и всем своим почти двухметровым ростом спикировал в илистый закраек пруда.

Подгулявшая, видимо, еще с вечера дачная компания на противоположном берегу, видя такой конфуз, сперва тихонько захихикала, но через секунду не удержалась и принялась ржать во все горло, напрочь распугав, звенящее благолепие июньской природы. Батюшка едва успел выковырнуться из ила, как в тот же миг лопнула леска выше поплавка, и вся снасть рывками стала удаляться от берега. Что уж придало отцу Александру ускорение; то ли предположительно килограммовый окунь, уводящий за собой поплавок, то ли сам поплавок, за который батюшка отвалил двести с лишним рублей и которым он дорожил не столько, в общем-то, за цену, сколько за красивый, на зависть окрестным рыбакам, вид, но батюшка, не раздумывая кинулся вслед за уплывающим поводком.

Напрасно. Через пару метров ухнул с головой в подводную яму. Пришлось вернуться на берег. Сидящий поодаль рыбачок, предусмотрительно державший возле себя надувную лодочку-малютку, крикнул насквозь мокрому, облепленному подрысником собрату:

— Бери лодку-то! Лови, давай, в рот компот! — и поперхнулся, въехав, что грубит хоть и комично раскоряченному, текущему подобно дырявому чайнику, однако ж не просто соседу Мишке, а священнику.

Батюшка чиниться не стал. Не до того. Благодарно кивнув, схватил лодочку, плюхнул на воду, уместился кое-как, притопив малютку всем своим богатырским весом по самые верхушки бортиков, и пустился вслед за добычей.

А она, то бишь, добыча принялась куролесить не по-детски, выписывая кренделя по всей акватории пруда. Трое рыбаков, о присутствии коих батюшка и не подозревал, ибо пришли еще затемно и сидели втихушку, повыскакивали из кустов, забыв про свои удочки, и наперебой ударились рушить на отца Александра взаимоисключающие советы. Четвертый, тот, что знал батюшку и одолжил ему лодку, участия в галдеже не принял, дабы еще раз не попасть впросак.

Тем временем отец Александр умудрился еще пару раз окунуться с головой, понеже лодочка-то ему была мала. Стоило лишь чуть нарушить равновесие, потянувшись за поплавком, как плавсредство переворачивалось вверх дном. Данный факт неизменно вызывал новый приступ хохота со стороны дачной компании. Самому же батюшке, ясный лапоть, было не до смеха. Плюнуть бы на злополучный поплавок: невелика потеря, — но ведь еще никто за всю историю человечества не смог проникнуть в хитросплетения загадочной русской души.

В конце концов батюшке удалось подцепить взбунтовавшуюся снасть. Кое-как, на пределе сил и возможности, он выбрался на берег и... вытянул за собой улов! На крючке болтался карасик-недомерок. Навскидку чуть покрупнее спичечного коробка. Теперь уже коллеги-рыбаки зашлись в неудержимом хохоте вперемешку с комментариями. Вполне приличными, надо заметить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.